

СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В 1989-1991 ГОДАХ

JOINT ACTIVITIES OF NON-GOVERNMENT ORGANISATIONS OF THE USSR AND THE SUPREME SOVIET OF THE USSR REGARDING THE OVERCOMING OF AN ETHNOPOLITICAL CRISIS IN 1989-1991

E. Bystrov

Annotation

The article studies the problems of interplay in the sphere of solution of ethnic matters of the Supreme Soviet of the USSR as a main legislative organ of the Soviet state and public organizations within the period of the late 1980s – the early 1990s. The description of characteristics of an ethnic and political situation in that time period of the USSR is given. The article has an analysis of objective and subjective reasons that impeded constructive common activities of the authorities and public organizations. The author makes a conclusion that the collaboration of the higher legislative body and the civil society is ineffective in spite of the high potential of such a cooperation.

Keywords: political history, history of the USSR, ethnopolitics, history of ethnic conflicts, state organs of the USSR, Supreme Soviet of the USSR, public organizations.

Быстров Евгений Игоревич

Соискатель, Балаковский фил.

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Аннотация

Статья посвящена проблемам взаимодействия в сфере решения этнических вопросов Верховного Совета СССР и общественных организаций в период конца 1980-ых–начала 1990-ых годов. В работе даётся общая характеристика специфики этнополитической ситуации на данном этапе существования СССР. Статья содержит анализ объективных и субъективных причин, помешавших конструктивному сотрудничеству органов советской власти и общественных организаций. Автором делается вывод о низкой эффективности совместной деятельности высшего законодательного органа и общественности, несмотря на высокий потенциал подобного сотрудничества.

Ключевые слова:

История СССР, этнополитика, история этнических конфликтов, государственные органы СССР, Верховный Совет СССР, общественные организации.

Период позднего Советского Союза, то есть 1989–1991 годы, характеризовался многомерным кризисом общественно–политической жизни. Одним из самых дестабилизирующих факторов стал национальный. В это время перед высшим руководством страны встал целый ряд проблем, связанных с этнополитическими аспектами: рост сепаратистских настроений во многих республиках, борьба за свои права депортированных народов, обострение традиционных двусторонних конфликтов (армяно–азербайджанский и др.).

Особенность того времени состояла в том, что к решению данных проблем, кроме высших государственных органов и в первую очередь "советского парламента" – Верховного Совета СССР, стали активно примыкать многочисленные общественные организации. Нужно отметить, что с началом перестройки в условиях ослабления идеологического контроля со стороны коммунистической

партии в Советском Союзе в массовом порядке стали возникать общественно–политические организации самых разных форматов и направлений: союзы, ассоциации, комитеты, народные фронты. Закономерно, что существенная часть из них, так или иначе, распространяла свою деятельность и в направлении этнополитических интересов, а зачастую группы формировались вокруг национальных идей (Антисионистский комитет советской общественности, Клуб интернациональной дружбы, общество "Память"). Политически активные граждане, получив возможность открыто высказывать своё мнение, с головой окунулись в данный процесс. Тем более что ещё сравнительно недавно сами попытки создания организаций по национальному признаку рассматривались государством очень пристально и зачастую заканчивались репрессивными мерами. Примером может служить арест лидеров "Союза крымских татар" С.Умертова и М. Омертова в 1962 году [1, с. 188].

Безусловно, взаимное конструктивное сотрудничество двух влиятельных сил в лице высшего официального органа и авторитетных общественных организаций в решении сложнейших этнополитических задач выглядело достаточно перспективным. В теории это могло быть примером симбиоза "руки государства" и "гласа народа". Практика, однако, показала, что этот симбиоз не всегда оказывался жизнеспособным. Так, в протоколе совместного заседания Комиссий законодательных предложений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР от 25 октября 1988 года: прямо говорится о том, что "слабо используются силы и возможности общественных организаций, общественное мнение" [2]. Характерно, что даже несмотря на констатацию данной тенденции в этом же протоколе в качестве предложения далее читаем "представить возможность руководителям южно-осетинской общественной организации "Адамонахас" ("Голоса народа") выражать свои взгляды, свои конструктивные предложения на страницах областной прессы" [3]. Эта мера, безусловно, не отвечала ожиданиям самих членов общественных организаций, ратовавших за получение реальных рычагов политического влияния. Подобная осторожность в предложениях только раздражала радикально настроенных лидеров внесистемной оппозиции, требовавших принципиального изменения устоявшихся методов ведения советской этнополитики. В обращении в Верховный Совет СССР чеченского общества "Барт" ("Согласие") подчёркивалось, что "продолжать цепляться за методы национальной политики, которые столь очевидно дискредитировали себя, – весьма опасная близорукость" [4].

Впервые отчётливо кризис проявился при формировании Верховного Совета СССР 1989 года, когда Народные фронты республик Прибалтики заняли откровенно оппозиционную официальному советскому правительству позицию. Именно на этом этапе происходит радикализация требований общественных организаций. Вот как вспоминал один из помощников Горбачёва Вадим Медведев о своей поездке в Латвию: "это было настоящее политическое пекло: шумные собрания, пикеты, транспаранты, острейшие дискуссии в аудиториях, на улицах и площадях" [5 с. 96.]. Прибалтийские организации явно выделялись на фоне себе подобных, но показательно, что радикальный характер требований становился повсеместным. Эффект "снежного кома" усиливался также в связи с явным влиянием прибалтийских общественников на другие республики. В частности на съезде Народного фронта Грузии присутствовали представители Народных фронтов Прибалтики, которые обучали единомышленников методам работы с массами [6.].

Вообще нужно отметить, что подобного рода организации очень оперативно наладили взаимодействие на всем пространстве Советского Союза. Так, депутатская

группа Верховного Совета отмечала, что на территории Молдавской ССР на обстановку большое влияние оказывает поддержка экстремистски настроенных руководителей и активистов "Народных фронтов" Прибалтийских республик, Украины, Грузии. Их рекомендации учитывают "опыт работы" в своих регионах [7]. Руководство Литвы констатировало, что "Неформальные объединения со всей страны консультируются с "Саюдисом" [8].

В свою очередь лидеры общественных объединений союзных республик рассчитывали на поддержку зарубежных сил. В частности звучали такие заявления: "В Грузию должны войти армейские подразделения ООН. После того должен состояться референдум, который образует учредительный съезд, на котором будет избрано временное правительство. Далее Грузия должна войти в НАТО, как военный союзник. Независимая Грузия должна брать ориентир на США. Это позиция всех неформальных объединений Грузии" [9]. Рушилось даже традиционное восприятие России, Украины и Белоруссии как "трёх братских славянских республик". Характерно определение классика белорусской литературы Алёся Адамовича, который назвал Беларусь "Вандеей перестройки" [10, с. 28.]. Нужно отметить, что для организаций подобного типа характерен быстрый переход от поддержки идеи перестройки к открытому противостоянию с руководством СССР. Так, Народный фронт Латвии, зародившийся на Пленуме творческих союзов в 1988 году и изначально занимавший достаточно умеренные позиции, уже к 1989 году ставит своей целью выход из состава СССР. Литовская общественно-политическая организация "Саюдис" первоначально провозгласившая своими целями культурное возрождение и демократизацию уже в феврале 1989 года официально признаёт основной задачей отделение от Советского Союза.

Прибалтийские республики закономерно выдвинулись в авангард подобных настроений общественности, что связано с давно зревшим недовольством действиями "русских колонизаторов" и особым отношением к пакту Молотова-Риббентропа. Однако и внутри РСФСР ряд национальностей стали заявлять о своих претензиях на независимость. Причём сценарий форсированного перехода к радикальным требованиям выглядел уже стандартным. Летом 1989 года Совет министров Татарской АССР официально зарегистрировал Татарский общественный центр (ТОЦ) как "народное движение в поддержку перестройки". В документах данной организации видное место занимали этнокультурным вопросам, связанные с развитием, культуры, образования и языка татарского народа. Но уже в 1990, взяв за основу программу Народного фронта Эстонии, ТОЦ выдвигает требования независимости Татарстана [11].

Эти тенденции, безусловно, способствовали росту

противоречий между руководством Верховного Совета СССР и радикальными республиканскими организациями, которые стремились, во что бы то ни стало сломить традиционную советскую систему управления и объединили в своих рядах разномастных экстремистов. Ромуальдас Озолас – один из основателей литовского "Саюдиса" назвал эту организацию "чем-то неопределённым, как и вся неопределённая, и неартикулированная, нерелефированная и нерелефлирующая политическая жизнь, бурлящая в мышцах, но не выходящая в разум в таких формах, которые можно было выразить словами ..." [12, с. 18].

Как вспоминает нынешний депутат сейма Латвии Борис Цилевич "Народный фронт был механизмом разрушения, скорее даже саморазрушения прежнего режима. Знаете, есть такой большой металлический шар, которым разрушают старые дома, так вот таким шаром был и Народный фронт..." [13]. Характерно, что "авангардом-разрушителем", которому подозрительно быстро подчинились практически все республиканские структуры, называет Народный фронт Азербайджана А. Мелик-Шахназаров [14, с. 552].

В этот же период в отдельных регионах страны общественные организации пытались призвать Верховный Совет к самому активному воздействию на разрастающийся этнополитический кризис. Так, например, в обращении представителей общественных организаций Северного Кавказа от 24 ноября 1989 года читаем: "мы требуем решительного вмешательства Верховного Совета по существу излагаемого вопроса". [15]. Важной формой нового партнёрства стало формирование в составе Верховного Совета СССР комиссий по национальным вопросам, в которые включались лидеры национальных движений. Требование создания таких комиссий – характерная примета эпохи. Были созданы комиссии по проблемам, советских немцев, крымских татар. Это вызвало цепную реакцию – всё больше и больше национальностей стали настаивать на создании комиссий по их проблемам. Типичный пример такого рода заявлений – высказывание представителя курдов А.А. Мамедова на встрече с Председателем Комиссии по межнациональным отношениям Таразевичем (4 июля 1989 года): "По туркам-месхетинцам создали комиссию, для армян создали. А почему для курдов не создали комиссию?" [16].

Вообще стремительный количественный рост сторонников радикальных общественных организаций и нарастающая агрессия представителей этих сил была характерной приметой времени. Так, в Грузии 22–29 ноября 1988 года лидеры "Общества И.Чавчавадзе" и "Национально-демократической партии Грузии" Гамсахурдиа З.К., Костава М.И., Церетели И.С., Батиашвили И.Д., Чантурия Г.О. и другие в дни работы сессии Верховного Сове-

та ГССР инспирировали сидячую забастовку около 60 человек перед домом Правительства, к которой в последующем присоединились до 30 000 митингующих... Участники митинга требовали предоставления независимости Грузии, обеспечения её политического, экономического и культурного суверенитета, отмены указа ПВС СССР о митингах и демонстрациях. В отношении лиц негрузинской национальности стали проявляться отдельные хулиганские действия. 29 ноября 1988 года там же состоялся митинг с участием уже около 50 000 человек. [17].

Выстраивать конструктивный диалог было крайне непросто. Представители ущемлённых этнических групп наперебой "выставляли счета" членам комиссий по национальным вопросам. Так, лидер турок-месхетинцев Сарваров заявлял, что "чаяния нашего народа Верховный Совет СССР знает в течение 33 лет", но "бездушное отношение привело к трагедии" [18, с. 189]. В свою очередь руководство страной не смогло сразу перестроиться в русле продекларированного "нового политического мышления". В резолюции Съезда народов Карачая прямо говорилось, что "груз старого политического мышления довлеет над стилем и методом работы отдельных партийных и советских работников". [19]. Как отмечал в своих воспоминаниях Горбачёв "мы оставались во власти традиционных подходов, не подошли ещё к пониманию масштабности возникших в этой сфере проблем" [20].

Дополнительным фактором, осложнявшим деятельность официальных органов была их ограниченность в смысле использования действующего законодательства. Так, министр внутренних дел Шота Горгодзе сетовал на то, что "активное движение неформалов началось ещё с февраля 1988 года и шло под лозунгами антисоветской, антигосударственной деятельности, выдвигались требования выхода Грузии из состава СССР, создания Грузинской армии, звучали призывы "...дойлой московских бюрократов". В Уголовном кодексе – статье 73 – нет мер. Материалы по неформалам передавались прокуратуре". [21]. И только после издания указа о митингах и демонстрациях в августе 1988 года – работа активизировалась. С августа 1988 года по март 1989 года предупреждено более 300 лидеров, в том числе 47 оштрафовано, 2 человека осуждены к исправительным работам, 7 человек из неформалов привлечены за хранение огнестрельного оружия. [22].

Следует также отметить, что в ответ на попытки определённых общественных организаций форсировать "восстановление справедливости", следовали соответствующие реакции национальных объединений, представляющих иные этнические группы, в первую очередь русских и сил, выступающих за традиционные, официально декларируемые ценности интернационализма.

Неслучайно почти одновременно с народными фронтами Прибалтики возникли такие общественные организации как Интердвижение, "Интерфронт", Объединённый Совет трудовых коллективов, "Единство".

В Поволжье столкнулись интересы общества советских немцев "Возрождение", требовавшего восстановления автономии немцев Поволжья, и организации русского населения "Справедливость", выступавшей категорически против и характеризовавшей "Возрождение" как "экстремистскую организацию" [23].

Верховный Совет, таким образом, оказался в крайне сложной ситуации, когда практически любой законодательный проект в сфере национальных отношений рассматривался представителями общественности как возможное ущемление их интересов и с большой вероятностью приводил к столкновению наиболее радикальных участников. Тем не менее, следует признать, что, несмотря на стратегическую неэффективность действий этого органа власти, сама эта деятельность носила, очевидно, напряжённый характер. Масштабы проведённой депутатами работы были действительно серьёзными. Так, комиссия Совета Национальностей Верховного Совета СССР, побывавшая осенью 1989 года в Молдавии действовала в крайне интенсивном графике. За короткий период в республике состоялись встречи и беседы с руководством партийных, советских и государственных органов Молдавской ССР, объединённого республиканского забастовочного комитета, руководством "Народного Фронта", интердвижения "Единство республики, народного движения "Гагауз халкы", встречи с бастующими трудовыми коллективами в Кишинёве, Тирасполе, Рыбнице, Бендерах, Камрате, с представителями молдавских деревень в Оргеевском районе, народными депутатами СССР от Молдавии, с руководством средств массовой информации республики, собкорами центральных газет, аккредитованными по Молдавии, руководителями правоохранительных органов, министерств и ведомств МССР, членами клуба "Ватра" города Бендеры. В этих встречах приняло участие более 10 тысяч человек. [24].

В условиях многочисленных принципиально новых вызовов законотворческая группа советских чиновников во многом интуитивно пыталась найти выход из системного этнополитического кризиса периода позднего Советского Союза.

Такая деятельность неизбежно приводила к определённым конфликтам интересов, особенно на фоне определённой этнической заряженности, ангажированности местного населения. Ещё одной приметой времени стала слабая координация деятельности отдельных государственных структур, а зачастую и сознательное игнорирование позиции конкретных органов, включая Верховный

Совет. В частности в июле 1991 года от имени Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР было направлено обращение к Президенту и Верховному Совету Грузии, в котором содержалась просьба в официальном порядке рассмотреть вопрос о возвращении турко-месхетинского населения в места его исторического проживания. Ответа на это обращение не последовало. [25].

Показательно, что упомянутая выше комиссия под руководством Таразевича не получила возможности представить подготовленное заключение по ситуации в Нагорном Карабахе в ходе ноябрьской сессии Верховного Совета СССР. Зато был представлен на обсуждение проект Постановления "О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области", разработанный Горбачёвым и его помощниками. Такая разногласия не могла не способствовать подрыву авторитета властных органов и вносила элементы дополнительной напряжённости в и без того сложную ситуацию. В частности реакцией на упомянутый горбачёвский проект был уход из зала заседаний армянской делегации.

Ещё одной характерной тенденцией, безусловно, затруднявшей выстраивание диалога Верховного Совета и общественных организаций было стремление руководства советского парламента принизить роль представителей общественности. Советская номенклатура действовала во многом, опираясь на старые принципы и положения, не учитывая динамику изменений конца 1980-ых. В частности Г.С. Таразевич после изучения причин и хода митинга в Минске в октябре 1988 года высказал сомнения в перспективах неформального движения в Советском Союзе в целом. В интервью он высказался в том духе, что общественники по-прежнему будут выступать на вторых ролях в качестве "приводного ремня" партии и комсомола [26, с. 3].

Попытки всё-таки наладить сотрудничество, как например, предложение Председателя комиссии Верховного Совета СССР по вопросам развития культуры, языка, национальных и интернациональных традиций создать некий "культурный парламент" и включить в него "в качестве наблюдателей представителей создаваемых сегодня культурных ассоциаций (немцев, крымских татар и т.д.)" [27] выглядели единичными случаями на фоне традиционного подхода.

Этнополитический кризис являлся одним из важнейших факторов, определявших существование Советского Союза на последнем этапе его существования. Необходимо отметить достаточно высокую степень активности государственного руководства по преодолению этого явления. Но приходится констатировать, что ещё одной приметой времени была стремительно проявляющийся

отрыв номенклатуры от широких масс общественности. Соответственно власти и в частности Верховный Совет во многом опирались на явно устаревшую схему противодействия радикальным этническим силам. Реакция рядовых жителей государства на отсутствие эффективной политики в данной сфере была болезненной. В июле 1989 года азербайджанские беженцы писали Председателю Совета Национальностей Р.Н.Нишанову "мы верили многочисленным высокоавторитетным комиссиям... Каждый месяц по несколько комиссий, но никаких результатов, облегчающих положение дел, а произвол продолжается по сей день" [28]. В январе 1990 года в ходе работы II конференции Всесоюзного общества советских немцев "Возрождение" на просьбы организаторов поднимать рук тех, кто верит в восстановление немецкой АССР,

отреагировало всего около 20 человек [29].

Налаживание сотрудничества центральных органов власти и Верховного Совета СССР в частности с конструктивными общественными организациями в целом протекало крайне сложно и на выходе редко приводило к эффективным последствиям.

В условиях строительства гражданского общества в современной России и усложняющейся этнополитической обстановки в стране анализ опыта поиска модели эффективного взаимодействия органов законодательной власти и общественных организаций выглядит особенно ценным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пыжиков А.В. Хрущёвская оттепель. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
2. ГА РФ. Ф. Р7523. Оп. 145. Д. 7. Л. 9.
3. ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 117. Л. 17.
4. ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1059, Л. 150.
5. Медведев В.А. В команде Горбачёва: взгляд изнутри. М.: Былина, 1994.
6. ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 6, Д. 118. Л. 15.
7. ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 121. Л. 31.
8. ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 22. Л. 16.
9. ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 2. Д. 62. Л. 8.
10. Адамович А. Оглянись окрест//Огонёк, 1988, № 39.
11. Национал-сепаратизм в Татарстане в начале XXI века: идеология, организация, зарубежное влияние. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.riss.ru/index.php/actions/1305-пмјкіор90>. (дата обращения 02.11.2015).
12. Каждый своё прозрение переживает особо//Огонёк, 1989.№ 50.
13. Цилевич Б. НФЛ был разрушителем. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.chas-daily.com>. (дата обращения 02.11.2015).
14. А. Мелик-Шахназаров. Нагорный Карабах: факты против лжи. М., 2009. С. 552.
15. ГА РФ. Ф. 9654. Оп 7. Д. 1058. Л. 3.
16. ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 114. Л. 25.
17. ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 2. Д. 62. Л. 3.
18. Мякшев А.П. Власть и национальный вопрос. Межнациональные отношения и Совет национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов. Издательство Саратовского университета, 2004.
19. ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 119. Л. 5.
20. Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gorby.ru/gorbachev/memoirs>. (дата обращения 02.11.2015).
21. ГФ РФ. Ф. 9654. Оп. 2., Д. 63. Л. 2.
22. Там же.
23. ГА РФ, Ф. 9654. Оп. 6, Д. 116, Л. 10.
24. ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 121. Л. 30.
25. ГА РФ. Ф. Р9654. Оп. 6. Д. 137. Л. 98.
26. Только вместе мы будем сильны//Советская Белоруссия, 1988, 18 ноября.
27. ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 110. Л. 20.
28. ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 127. Л. 26.
29. ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 205. Л. 16.